

КАК только военная хунта пришла к власти в Южной Корее, она объявила о своем намерении передать в августе 1963 года власть в руки гражданских лиц. Офицерская каста первоначально намеревалась провести президентские выборы и выборы в Национальное собрание, рассчитывая одержать на них победу. Все действия военной хунты свидетельствовали о том, что военщина твердо решила остаться у руля правления. Она практически исключила возможность какого-либо серьезного соперничества со стороны буржуазных оппозиционно настроенных кругов, не говоря уже о партиях, отражающих интересы трудящихся. Сразу же после переворота военная хунта ввела военное положение, приостановила действие конституции, упрятала в тюрьмы многих своих соперников, разогнала все политические партии.

Еще в марте прошлого года был обнародован список 4192 граждан, которым запрещалось в течение шести лет заниматься политической деятельностью. Он включал не только лиц, отнесенных к членам «прокоммунистических партий» (Социалистическая массовая партия, Социалистическая партия, Реформистская партия и т. д.), но и деятелей явно консервативного толка, входивших в лисынмановскую Либеральную партию. Демократическую партию Чан Мена, Новую демократическую партию Ким До Ена. В этот черный список попали также члены разогнанной хунтой Национального собрания, министры свергнутого правительства Чан Мена и ряд других негодных правительству лиц.

Эти меры вызвали сильное недовольство в оппозиционно настроенных буржуазных кругах. Видные политические деятели, среди которых были числившийся президентом Юн Бо Сун и бывший премьер-министр Чан Мен, публично выступили с критикой в адрес военных правителей, заявив, что подобные действия устраняют возможную оппозицию военной хунте на выборах.

К концу 1962 года хунта сочла, что в результате массовых репрессий силы, способные оказывать ей сопротивление, основательно подорваны. Поэтому она решила обновить фасад южнокорейского режима, сделать его более привлекательным в глазах зарубежных стран, особенно Японии. К тому же и в Вашингтоне неоднократно выражали пожелание, чтобы в Южной Корее власть была передана в руки гражданских лиц. При этом намекалось, что тогда она сможет рассчитывать на более эффективную помощь иностранного капитала своей экономике, очутившейся на грани развала.

СТАБИЛЬНАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ

Узурпировав власть в мае 1961 года, сеульские полковники (вскоре они произвели себя в генералы) не скупились на обещания спасти страну от экономической катастрофы. Куцые реформы хунты, выразившиеся в некотором смягчении условий выплаты налоговой задолженности крестьян и мелких предпринимателей, имели явно пропагандистский характер. Взяв на вооружение обветшалый лозунг превращения Южной Кореи в самообеспечивающуюся

страну, военные правители возложили большие надежды на пятилетний план развития экономики на 1962—1966 годы¹.

Генералы полагали, что финансирование плана будет осуществляться, главным образом, за счет американской помощи и на доходы от расширенной продажи южнокорейских товаров странам «свободного мира».

Однако в Вашингтоне нашли, что этот план намеряет сделать «слишком много в слишком короткий срок», что он «слишком честолюбив» и, наконец, что он просто нереален. В конце концов США решили поддержать «определенные элементы» плана, не связывая себя конкретными обязательствами.

Причина такой позиции США двоякая. Во-первых, государственная казна США сильно поистощилась: небывалый дефицит платежного баланса США в результате утечки долларов за границу вынуждает правительство урезать подачки своим союзникам. Южная Корея не являлась исключением: если в 1961/62 финансовом году ассигнования даров по линии АИД (Агентства по международному развитию) достигли 192 миллионов долларов, то в 1962/63 финансовом году они составили только 120 миллионов долларов. Как отмечал информированный журнал «Фар истерн экономик ревью», «начало выполнения пятилетнего плана ...совпало с резким сокращением даров Южной Корее, хотя даже должностные лица Южной Кореи надеялись, что дары будут уменьшаться постепенно, в течение пяти последующих лет».

Во-вторых, по свидетельству английского журнала «Истерн уорлд», «американские органы помощи сталкиваются с горестным фактом: хотя обстановка в стране при Ли Сын Мане была настолько тяжела, что от него пришлось отделаться, она становилась все тяжелее и тяжелее при каждом последующем режиме». И госдепартамент, и Пентагон, и министерство торговли США пришли к выводу, что «военный режим является наихудшим из всех ранее бывших...» Не оправдались надежды генералов и на резкое увеличение экспорта страны.

Все это заставило их искать дополнительные источники финансирования плана. Важнейшим мероприятием в этой области следует считать попытку проведения денежной реформы в июне 1962 года, история которой служит яркой иллюстрацией экономического прожектерства хунты. Главной целью реформы была мобилизация на финансирование плана 77 миллионов долларов, находящихся на частных банковских счетах. Эти счета были заморожены. Спустя месяц после денежной реформы цены на важнейшие продовольственные товары и стройматериалы выросли на 30 процентов. Использование производственных мощностей средними и мелкими предприятиями в результате нехватки оборотных средств упало наполовину. Положение стало настолько угрожающим, что спустя 34 дня после денежной реформы «правительство» вынуждено было разморозить все банковские вклады и установить строгий контроль над ценами. Пак Чжон Хи публично признал, что его затея не удалась. Только через

¹ Подробнее см. «Азия и Африка сегодня» № 4 за 1962 год, стр. 15.

тируется вопрос: а сможет ли Южная Корея расплатиться по займам, и если да, то когда и какова будет истинная цена?

НЕДОВОЛЬСТВО НАРОДА

Политическая реакция и тяжелые материальные условия вызывают справедливое недовольство народа. Рабочий класс не прекращает борьбы за свои насущные интересы. Особенно активны горняки и железнодорожники. Протест студенческой молодежи против полицейских насилий и американского хозяйничанья неоднократно выливался в открытые антиправительственные и антиамериканские демонстрации. Не стоят в стороне от борьбы и крестьяне.

Возмущение политикой военной хунты наиболее резкий характер приняло в районе Кванчжу. Здесь в начале октября 1962 года три дня продолжались военные столкновения местных жителей с войсками. Примечательно, что недовольство населения обратилось и против американцев. Сообщения из Южной Кореи свидетельствуют об усилении в стране антиамериканских настроений. Военная хунта вынуждена считаться с этими настроениями. Она обратилась к правительству США с просьбой заключить с ней соглашение о статусе американских войск в Южной Корее.

Анализ обстановки, сложившейся осенью 1962 года в Южной Корее, дал основание журналу «Истерн уорлд» заявить в декабрьском номере: «Недовольство достигло сейчас таких масштабов, когда становится возможным открытый мятеж». Небезынтересно и другое признание журнала, в котором подчеркнуто, что главную опасность для нынешнего правления представляет не какая-то вымышленная «коммунистическая угроза», а сами народные массы страны. Журнал пишет: «Военный персонал Соединенных Штатов в Сеуле не беспокоит возможность коммунистической угрозы или возможное проникновение в страну красных партизан. Он понимает, что опасность исходит непосредственно от населения Южной Кореи, которое не так давно сбросило режим Ли Сын Мана, а сейчас пытается разделаться с военной хунтой, заменившей его».

ВЫБОРЫ НЕ СОСТОЯТСЯ

Военная хунта настолько дискредитировала себя в глазах народа, что вынуждена прибегнуть к различным маневрам для укрепления своего положения.

17 декабря 1962 года в Южной Корее был проведен референдум по новой конституции, разработанной и обнародованной 5 ноября. Этим спектаклем хунта стремилась создать видимость демократического подхода к решению стоящих перед страной проблем и узаконить свое пребывание у власти. В результате референдума была «одобрена» новая конституция, еще более реакционная, чем лисинмановская.

В начале 1963 года был издан указ, легализующий политические партии. Разумеется, в нем не было и речи о том, чтобы допустить в какой-либо форме деятельность левых организаций. На некоторую ограниченную возможность деятельности могли рассчитывать лишь функционировавшие до переворота буржуазные партии.

Буржуазно-политические деятели, воспользовавшись едва приоткрывшимся клапаном, настаивали на предоставлении им возможности должным образом подготовиться к выборам. Неожиданно для хунты в ее адрес со стороны буржуазной оппозиции

стала раздаваться довольно резкая критика, которая сопровождалась требованием ввести буржуазно-демократические свободы. К тому же 25 февраля состоялась массовая студенческая демонстрация, участники которой потребовали расследования деятельности некоторых военных, замешанных в коррупции. Все это внушило серьезную тревогу военным руководителям, которые стали опасаться, что зарождающееся движение протеста сможет приобрести характер апрельских событий 1960 года.

Со своей стороны хунта предприняла шаги, чтобы скотить свою так называемую Демократическую республиканскую партию. Начальник Центрального разведывательного управления полковник Ким Чон Пиль заявил о своем решении уйти с действительной службы и занимаемого поста, дабы целиком посвятить себя созданию партии.

35-летний полковник Ким, женатый на племяннице Пака и пользующийся его безграничным доверием, — вторая по величине фигура в рядах правящей офицерской касты. Он принимал деятельное участие в подготовке и проведении государственного переворота. Заполучив должность начальника южнокорейской охраны, насчитывающей в своих рядах 30 тысяч агентов, он оказывал огромное влияние на многие стороны общественно-политической жизни страны.

Но тут с новой силой вспыхнула грызня в среде самой военной клики из-за власти и тепленьких местечек. Группа офицеров во главе с генерал-лейтенантом морской пехоты Ким Дон Ха стала обвинять Ким Чон Пиль в том, что он превращает новую партию в свое личное орудие, что он занимается биржевыми махинациями, аферами и казнокрадством.

Однако эти голоса раздавались недолго. 10 марта южнокорейская охранка объявила о раскрытии заговора, который якобы ставил своей целью свержение Пак Чжон Хи. Среди арестованных оказался Ким Дон Ха и связанные с ним офицеры.

В этой обстановке диктатор и его присные поняли, что у них мало шансов остаться у власти, переодевшись в штатский сюртук. Тогда они пошли на пролом и сбросили с себя псевдодемократическую маску, которую они надели, готовясь к выборам. 16 марта Пак Чжон Хи, вопреки неоднократным обещаниям, объявил, что возглавляемая им хунта намерена продлить период военной диктатуры еще на четыре года и что обещанные на август выборы не состоятся. В стране вновь введено чрезвычайное положение. Какая бы то ни было политическая деятельность запрещена.

Буржуазная оппозиция бурно реагировала на эту меру. Гражданские претенденты на управление страной — Юн Бо Сун и Хо Чжон — заявили о начале кампании борьбы за отмену принятого хунтой решения.

Решение хунты породило смущение и досаду в Вашингтоне. Своевольничающая генеральская камарилья поставила в трудное положение официальных руководителей внешней политики, поддерживавших версию о том, что хунта в намеченное время уступит власть гражданским лицам. К тому же в Вашингтоне опасаются, что дальнейшее пребывание у власти обанкротившихся генералов может вызвать, как это было в недалеком прошлом, мощный взрыв народного гнева. Вот почему правящие круги США настаивают, чтобы военные руководители начали сотрудничать с деятелями консервативной буржуазной оппозиции.

Маневры внутренней и внешней реакции свидетельствуют о загнивании и глубоком кризисе южнокорейского марионеточного режима.